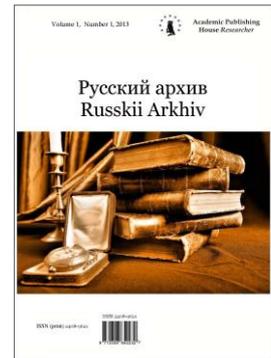

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(2): 167-191

DOI: 10.13187/ra.2017.2.167
www.ejournal16.com

UDC 94(47).084.8

In Sukhanovo Prison. From the Memoirs of I.A. Makhanov

Preparation for publication and introductory article

Igor O. Tyumentsev ^{a, *}

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
 Russian Federation

Comments

Alexander D. Vyatkin ^b

^b Free researcher

Abstract

A fragment of prison memoirs of chief designer of Kirov factory of artillery weapons I.A. Makhanov is presented in the article. The memoirs were not published yet. Until recently memoirist was presumed dead in Stalin's torture chambers, but as it turned out, he survived and even described in details his prison odyssey. As a Bolshevik-Leninist from the generation of “children of the revolution” he was good educated, took one of the key positions in the military industrial complex of the USSR, and was well received in the highest echelons of power in Soviet Russia. Through access to information, including classified materials, he viewed firsthand the events occurred in the country. Presented fragment gives overview about his memoirs and describes his being in Sukhanovo prison, about which almost nothing is known until today.

Keywords: Stalinism, military industrial complex, character of repressions, the case of Tukhachevsky, behaviors in Sukhanovo prison, meeting with prisoners.

Иван Абрамович Маханов родился в 1901 г. в старинном волжском городе Кинешма Иваново-Вознесенской губернии. Отец его – Абрам Петрович, русский, член ВКП(б) – всю жизнь до смерти в 1929 г. проработал мастером на текстильной фабрике. Шестнадцатилетним юношей И.А. Маханов принял участие в революционном движении. В августе 1917 г. записался в Красную гвардию Кинешемского уезда, а 17 сентября того же года вступил в РСДРП. Рядовым красногвардейцем участвовал в установлении советской власти в Кинешме. Будучи уполномоченным ВЧК, подавлял контрреволюционное восстание в Кинешемском уезде в январе 1918 г. и белогвардейский мятеж в Ярославле в июле 1918 г. Одновременно с этим участвовал в организации первых социалистических союзов

* Corresponding authors
 E-mail addresses: tijumencev@mail.ru (I. Tyumentsev)

молодежи «III Интернационал». Летом 1918 г. окончил партийные курсы, организованные М.В. Фрунзе в Иваново-Вознесенске. В 1918–1919 гг. – член бюро Кинешемского уездного комитета РКСМ. В 1919–1920 гг. – секретарь Ивано-Вознесенского губернского комитета РКСМ. В марте 1920 г. призван в РККА и направлен на работу председателем партбюро 2-й Московской тяжелой артиллерийской бригады. 20–26 ноября 1920 г., будучи делегатом Московской губернской конференции РКП(б), трижды слушал выступления В.И. Ленина в Кремле, которые оставили неизгладимый след на всю его жизнь. В декабре 1920 г. И.А. Маханов был направлен на Дальний Восток для работы инструктором в Военно-политическом управлении Дальневосточной республики (ДВР). В августе 1921 г. назначен заместителем военного комиссара артиллерии и избран секретарем парткома управления артиллерии Штаба Народно-революционной армии ДВР. В ноябре 1921 г. участвовал в боях у станции Ин и штурме Волочаевска и Спасска.

В июле 1922 г. приказом военного министра ДВР В.К. Блюхера направлен на учебу в Петроград в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1922–1928 гг. являлся слушателем академии, с 1924 г. – председателем партбюро Военно-технической академии РККА, которую окончил с отличием и был направлен на завод «Красный Путиловец» (с 1934 г. – Кировский завод) инженером-конструктором артиллерийских вооружений.

В 1929–1939 гг. И.А. Маханов работал начальником артиллерийского опытно-конструкторского отдела завода. В 1929–1933 гг. являлся членом парткома завода, с 1931 г. – членом Ленинградского горкома ВКП(б). В 1936 г. избирался делегатом VII Съезда советов СССР. В 1928–1937 гг. по заданию 4-го управления штаба РККА неоднократно выезжал в зарубежные командировки в Германию, Италию, Чехословакию, Голландию и другие страны.

27 июня 1939 г. арестован и 6 июня 1941 г. осужден по статье 58 УК РСФСР как участник военного заговора Тухачевского. Приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и к 5 годам поражения в правах.

Во время своей 18-летней одиссеи в заключении И.А. Маханов прошел московские Лубянскую, Лефортовскую, Таганскую, Бутырскую и Сухаревскую тюрьмы, ленинградские Кресты, Сызранскую пересыльную тюрьму, отбывал наказание в Вятских, Карагандинских, Коми лагерях, работал в московских и ленинградских шарашках. В 1941–1945 гг. безуспешно писал прошения об отправке на фронт и о пересмотре своего дела. В 1942–1945 гг. на базе ремонтно-механического завода в Караганде организовал изготовление мин (боеприпасов). В 1945–1951 гг., находясь в заключении, работал в Особом конструкторском бюро (ОКБ-172) МВД в Ленинграде, выполняя конструкторские разработки по заданиям Министерства вооружения СССР.

В литературе утвердилось мнение, что И.А. Маханов сгинул в ГУЛАГе (Красильников, 2017 и др.), но это мнение ошибочно. 12 ноября 1955 г. И.А. Маханов был реабилитирован и уволен в запас в звании инженер-полковника с правом ношения формы и пенсией. 12 июля 1956 г. восстановлен в КПСС. Ему вернули награду – орден Красной Звезды. В последующие годы был награжден орденом Трудового Красного Знамени и юбилейными медалями.

После пребывания в ГУЛАГе И.А. Маханов уже не вернулся на родной Кировский завод к прежней работе. Именно поэтому его сочли погибшим. Будучи на пенсии, проводил большую общественную работу в Ждановском районе Ленинграда в качестве члена партбюро райкома ДОСААФ (1957–1962), заместителя председателя районного комитета партийно-государственного и народного контроля, внештатного инструктора райкома КПСС, внештатного лектора Музея С.М. Кирова и члена общества «Знание».

За перо И.А. Маханов взялся, как видно из названия его записок, вскоре после освобождения в 1956 г., в связи с подготовкой процесса над «бериевскими палачами». Смена политического курса после прихода к власти Л.И. Брежнева в 1964 г., судя по хронологии текста, на ход работы автора над рукописью не повлияла. Он продолжал трудиться до самой смерти 28 декабря 1980 г. Похоронен на Северном кладбище в поселке Парголово в Выборгском районе Ленинграда.

Убежденный большевик-ленинец из поколения «детей революции», И.А. Маханов, занимая одну из ключевых должностей в военно-промышленном комплексе СССР, был вхож в высшие эшелоны власти Советской России. Благодаря доступу к информации, в том числе секретной, И.А. Маханов судил о событиях, происходивших в стране, не понаслышке.

В его «Записках» описаны личные встречи со Сталиным, Ворошиловым и другими деятелями партии и государства. По мере прочтения «Записок» читатель открывает для себя судьбу многих известных людей, канувших в небытие и безвестность. Свои злоключения в ГУЛАГе он описал сразу же после освобождения, полный недавних переживаний, и с большой точностью. Важно отметить ясный ум и память автора. Работая над рукописью, мы постоянно сверяли описанные им личности и события со сведениями иных источников. В подавляющем большинстве случаев они совпадают как по времени, так и месту. В то же время вместе с реальными событиями встречаются мифы и легенды ГУЛАГа, в которые верили сидельцы и передавали их друг другу.

Хождение в ГУЛАГ способствовало парадоксальной трансформации взглядов И.А. Маханова. Он по-прежнему оставался приверженцем ленинской модели построения социализма, которую сильно идеализировал. Вместе с тем, описывая свои поездки в Дальневосточную республику и в европейские страны, сообщая о полученных там впечатлениях, И.А. Маханов невольно рисовал картины жизни не в пользу Советской России. Сравнивая ленинскую Советскую Россию со сталинским СССР, он приходит к заключению, что в результате извращения идей В.И. Ленина, устранения из политики большевиков-ленинцев, вследствие сталинских преобразований социалистическая республика в России деградировала в азиатскую деспотию. Ненависть к И.В. Сталину и его режиму была настолько велика у автора, что он пришел к парадоксальному для коммуниста выводу: хорошо, что американцы первыми сделали атомную бомбу. Если бы это сделал сталинский СССР, то «вождь» неминуемо бы развязал третью мировую ядерную войну.

Особую ценность в мемуарах И.А. Маханова представляют сведения о разработках артиллерийского и ракетного вооружений в СССР перед Великой Отечественной войной. Большой ошибкой, по мнению автора, был отказ от разработки дивизионной универсальной пушки, способной работать по наземным и воздушным целям. Незаконченная работа над этим «детисцем Тухачевского» во многом определила дальнейшую трагическую судьбу главного конструктора. Между тем, созданная немцами до войны 88-мм зенитная пушка Flak 18, признанная одной из лучших в войне, была одинаково эффективна как против самолетов, так и против бронетанковой техники и долговременных огневых точек (Бешанов, 2013). Автор прямо говорит, что, расправляясь с Тухачевским, Сталин допустил крупный стратегический просчет, разгромив накануне Великой Отечественной войны курируемые маршалом исследовательские коллективы ракетчиков и ядерщиков. В результате этого с началом холодной войны СССР оказался в этих стратегически важных областях вооружений в роли догоняющего.

Мемуары написаны в девяти типовых общих тетрадах по 96 листов каждая, в обложках из искусственной кожи (тетради №№ 1–4, 7 – синего, №№ 5–6, 8 – серого, № 9 – коричневого цвета) автоматической перьевой ручкой синими чернилами, четким, хорошо читаемым почерком. В центре лицевых обложек тетрад №№ 1, 3, 4 и 6 – оттиск (или его остатки) медальона с барельефом головы В.И. Ленина, в правых верхних углах тетрад № 2 и № 5 наклеены красные прямоугольники с обрезанными углами. Лицевые обложки тетрад № 8 и № 9 чистые. На вторых листах первых форзацев тетрад автор наклеил аппликации из журналов или отрывных календарей («численников»). На первых листах тетрад приведены высказывания философов, писателей и политических деятелей. На обороте первого листа форзаца в конце тетради № 1 также имеются аппликации, тетради № 2–9 чистые. Вся правка в текст внесена самим автором тем же почерком и чернилами.

В тетради № 7 на листах 715об. и 716об. имеются пометы простым карандашом рукою автора, в которых он зафиксировал, о чем еще надо написать в рукописи.

Рукопись дефектна. Сын – Станислав Иванович Маханов – вырвал и уничтожил слишком пристрастные, зачастую беспочвенные обвинения отца в адрес матери. По этой причине, видимо, была уничтожена тетрадь № 10, в которой автор описывал свое освобождение из ГУЛАГа. Именно поэтому текст в тетради № 9 обрывается на полуслове.

В настоящей публикации использован фрагмент воспоминаний И.А. Маханова о его пребывании в Сухановской тюрьме, о которой до последнего времени было мало что известно, кроме леденящих душу рассказов немногих выживших. Лишь недавно появилась первое специальное исследование, посвященное этому спецобъекту № 110 (Головкова,

2009). Сведения, сообщенные И.А. Махановым, позволяют существенно расширить наши знания об этой тюрьме и пережитом в ней заключенными людьми.

Состояние рукописи потребовало редакторской работы по ее подготовке к печати. При этом мы постарались максимально сохранить у читателя представление об авторском тексте в подстрочных сносках. В публикуемом тексте применены современная орфография и пунктуация. В отдельных случаях сложные предложения разбиты на более короткие. Недостающие в рукописи инициалы поставлены перед фамилиями. Все изменения и уточнения, внесенные нами в текст, приводятся в квадратных скобках. Все авторские пояснения и комментарии помещены в постраничных сносках. В постраничных сносках также приводятся краткие сведения об упоминаемых И.А. Махановым людях, географических объектах и поселениях.

Рис. 1. И.А. Маханов на испытаниях артиллерийского орудия.
Фото из личного архива С.И. Маханова

В Сухановской тюрьме

Наконец меня вызвали, и куда, я никак этого не ожидал, к самому наркому внутренних дел и госбезопасности Берии¹. Когда меня привели под усиленным эскортом надзирателей, которые меня буквально тащили, крепко скрутив мои бедные руки, в приемную наркома, я еще не подозревал, что моя жалкая фигура обреченного на казнь предстанет перед грозным вершителем судеб бесконечной вереницы старых большевиков, военных деятелей и представителей всех слоев советского общества, которые неуютны были Сталину².

¹ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный и политический деятель. Руководитель органов внутренних дел и государственной безопасности, генеральный комиссар госбезопасности, Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда. Лишен этих званий в 1953 г. в связи с обвинениями в организации репрессий.

² Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) – советский политический, государственный, военный и партийный деятель. Руководитель Коммунистической партии и Советского государства с конца 1920-х гг. до своей смерти.

Отчасти я посчитал, что мне оказана особая честь сделать угодное мне заявление непосредственно помощнику Сталина.

Когда меня ввели в кабинет Берии, такой обширный, что его письменный стол и он, сидящий за столом, показались мне такими далекими, что мне долго придется к нему маршировать. Это, очевидно, влияние долгого сидения в одиночной камере, где размеры чрезвычайно ограничены, и движения мои в ней напоминали мне зоопарк в Ленинграде, где я часто бывал с сыном¹ и всегда очень жалел свободолюбивых² животных³, которым была отведена такая ограниченная территория для прогулок в клетках. В кабинете Берии, если бы его превратить в одиночную камеру, было бы где разгуляться.

Итак, повинуюсь командам, которые я едва слышал от лиц, сидящих в креслах по длинным сторонам кабинета, я подошел вплотную к письменному столу. Ковер, по которому я шел, был такой мягкий, что мне казалось, я двигаюсь по воздуху, не касаясь грешной земли, не обращая внимание на присутствующих, а только устремив свой взгляд на того, кто решает мою судьбу, или уполномочен решить ее. Глаза Берии [в] огромн[ом] пенсне были опущены – он, что-то читал. Наконец [он] поднял голову и жестко посмотрел на меня:

– Так, Маханов, я знаю, что тебе было известно о моем желании тебя арестовать еще с 1937 г., когда я был еще помощником Ежова⁴, но тебя защищал тов[арищ]⁵ Сталин. Ты в течение двух лет был недоступен для нас. Но вот наступил 1939 г., и тов[арищи] Сталин и Молотов⁶ дали разрешение тебя арестовать, так как нами были предъявлены неоспоримые⁷, бесспорные документы о твоём участии в военном заговоре Тухачевского⁸ и шпионаже в пользу Англии⁹. Рядом со мной сидит мой помощник тов[арищ] Кобулов¹⁰, который мне доложил, что ты не желаешь разоружаться¹¹, сердечно раскаяться в этих преступлениях, и этим спасти свою жизнь ради своего сына, которого, как мне известно, ты очень любишь. Да будет тебе известно, что если ты будешь расстрелян, а я это тебе

¹ Маханов Станислав Иванович родился 29 апреля 1933 г. в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны был эвакуирован в Кировскую область. В 1945 г. вернулся в Ленинград. В 1948 г. был репрессирован как член семьи «врага народа» и сослан с матерью в Новосибирскую область. В 1950 г. ему разрешили вернуться в Ленинград с условием проживания у родственников матери. Окончил школу и Горный институт в 1956 г. По распределению работал в Государственном проектном институте (Гипрошахт), затем в Институте Гипроэнергопром-Гипроэлектро (до его ликвидации в 1989 г.). В настоящее время работает в ООО «Проект-Электро», правопреемнике Гипроэлектро в должности главного конструктора. Его старший сын Маханов Станислав Станиславович, 1959 г.р. – профессор университета г. Бангкок (Таиланд). Младший сын Маханов Антон Станиславович, 1976 г.р., работает директором фирмы ЛАКК.

² Вписано над строкой.

³ Львов, тигров, леопардов, ягуаров, пантер, волков, медведей – *Прим. И.А. Маханова.*

⁴ Ежов Николай Иванович (1895–1940) – генеральный комиссар госбезопасности. На посту наркома внутренних дел стал главным организатором массовых политических репрессий. В 1939 г. арестован, а в 1940 г. расстрелян.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1943). Секретарь ЦК ВКП(б) в 1921–1930 гг., председатель СНК СССР в 1930–1941 гг., первый заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР в 1942–1957 гг., член президиума ЦК ВКП(б) – КПСС в 1926–1957 гг.

⁷ В тексте: непрекаемые.

⁸ Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военачальник, военный теоретик, Маршал Советского Союза. Репрессирован в 1937 г. по «делу военных», реабилитирован в 1957 г.

⁹ Услышав это – шпионаж в пользу Англии – я был удивлен, так как из меня выколачивали только признание, что я немецкий шпион – *Прим. И.А. Маханова.*

¹⁰ Настоящая фамилия – Кабуладзе – *Прим. И.А. Маханова.*

Кобулов Богдан Захарович (1904–1953) – деятель советских органов госбезопасности, заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР в 1937–1938 гг., наркома внутренних дел СССР в 1941–1943 гг. и наркома государственной безопасности СССР в 1941, 1943–1945 гг., первый заместитель министра внутренних дел СССР в 1953 г., генерал-полковник. 27 июня 1953 г. арестован вместе с Берией по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти и расстрелян.

¹¹ Вероятно, здесь предполагалось слово «признаться».

гарантирую, в случае твоего упорства, то своему сыну ты готовишь тяжелую жизнь, обрекаешь его на страдания и мучения, как сына изменника Родины. О жене¹ я не говорю, так как мне известно, что она тебе без конца изменяла и никогда не любила тебя, а любила только те жизненные² удобства, которые ты ей предоставлял. Ты это и сам хорошо знаешь, так как твоя жена нам поведала, что ты хотел с ней развестись, но из-за сына, чтобы его не потерять, ты не развелся. Подумай о сыне. Если ты в данную минуту скажешь, что признаешь себя виновным, то я гарантирую тебе жизнь и работу по специальности конструктора по артиллерии, но не на свободе, а в заключении, и дам тебе возможность часто видиться с сыном. Выкинь из своей головы мысли о свободе и думай, как спасти свою жизнь и обеспечить жизнь сына. Если ты этого не сделаешь, а будешь по-прежнему настаивать на своей невинности, то я накладываю резолюцию на докладной записке тов[арища] Кобулова, передать тебя на особое следствие в условиях абсолютной изоляции в особой тюрьме, которая носит имя Сухановка³. В этой тюрьме мы доведем тебя до такого состояния, что ты обязательно признаешь себя виновным, но тогда не рассчитывай на смягчение приговора к высшей мере наказания. Так мы поступаем с теми врагами народа, которые не желают добровольно разоружаться и признать свою вину!

Вот примерно, что сказал Берия мне, своей жертве⁴.

Я спросил Берия:

– Вы не оговорились, что я английский шпион, так как меня избивали за то, что я не признаю себя шпионом в пользу Германии?!

Берия:

– Нет, я не оговорился. В нашем распоряжении имеются документы, избличающие тебя как английского, так и германского шпиона. Но в данное время нам важно разоблачить английскую шпионскую сеть, а германская сеть уже разоблачена, и для нас не актуальна. А вот ты не оговорился, сказав, что тебя избивают?

Я ответил:

– Нет, не оговорился! Я могу Вам показать мое тело, отдыхающее после избиения уже месяц, но еще не потерявшее следы избиений.

Берия:

– Тов[арищ] Кобулов, я уверен, что Маханов клеветает на советские органы госбезопасности. У нас никого никогда не избивали, а если подобное зверство практикуется у кого-нибудь, то только у твоих друзей, Маханов, у твоих хозяев, в Интелледженс сервис⁵!

Кобулов:

– Тов[арищ] нарком, Маханов только и занимается клеветой на советские органы следствия. Он в камере занимается самоистязанием и онанизмом, с жиру бесится, вот и разукрасил свое тело синяками. У меня имеется докладная записка начальника тюрьмы Миронова⁶ о самоистязаниях Маханова.

Берия:

¹ Маханова (Володько) Станислава Антоновна, родилась 15 сентября 1909 г. в г. Ленинграде. Окончила школу и работала в конструкторском бюро Кировского завода. Вышла замуж за И.А. Маханова. В 1941 г. была репрессирована из-за ареста мужа и сослана в Кировскую область, а после войны в Новосибирскую область. В ссылке вышла замуж вторично за Ивана Афанасьевича Таратынова, который также был репрессирован как главный инженер высоковольтных сетей Ленэнерго. Реабилитирована в 1954 г. Умерла 4 мая 1968 г.

² Слово вписано над строкой.

³ Сухановская особорежимная тюрьма или спецобъект № 110 – секретная тюрьма для особо важных политических преступников. Существовала с 1938 по 1953 гг. на территории Свято-Екатерининского монастыря (рядом с нынешним городом Видное в Московской области).

⁴ Далее в тексте повтор: «Признать, что я участник военного антиправительственного заговора и английский шпион».

⁵ Собираетелное наименование сети разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

⁶ Миронов Александр Николаевич (1896–1968) – сотрудник ОГПУ-НКВД-МГБ, начальник внутренней тюрьмы НКВД-МГБ СССР, полковник. В 1953 г. отправлен на пенсию. Умер в Москве в 1968 г.

– Маханов, ты настаиваешь на своем обвинении советского следствия в истязаниях. Это похоже на тебя, как на злого врага, клеветующего на советскую власть. Ну, а как с признанием своей виновности? Ты ничего не ответил. Отвечай!

Я помолчал несколько секунд и ответил:

– Не признаю себя виновным ни в заговоре, ни в шпионаже и считаю это обвинение просто абсурдным. Неужели у Вас не хватает настоящих шпионов, и Вы хотите сделать из меня шпиона! Это абсурдно и мелко для того, чтобы удовлетворить какую-то чепуховую версию о шпионаже в пользу Англии?! Что это даст? Вы потребуете назвать фамилии моих агентов, завербованных мною. Где я их возьму? Месяца два тому назад меня избивали и устроили очную ставку с Васильевым¹, требуя от меня признания, что я немецкий шпион и резидент Тухачевского, который якобы был главарем немецкой шпионской организации. Теперь от меня требуют признания, что я английский шпион. А завтра Вы потребуете признания, что я японский шпион, и так без конца. Нет, я на такую ложь не пойду. Придумайте что-нибудь более правдоподобное. Ну, если уж Вам нужно меня обязательно держать в заключении и не выпускать на свободу, то обвините во вредительстве, что я задержал разработку 100-мм зенитной пушки Л-6, что я много государственных средств затратил на ненужные эксперименты. Это хотя будет тоже ложь, но ложь, которую можно выдать за правду!

Берия:

– Ах, вот ты считаешь советские органы способными на истязания арестованных, подследственных, что мы требуем обязательно ложных показаний, лишь бы не выпустить невиновных на свободу. Ты очень плохого мнения о Советском государстве, о советских органах законности и правосудия и это, естественно, так как ты действительно враг, да еще вызывающе ведущий себя на следствии, клеветующий на следователей. Я еще надеялся на твоё раскаяние, но вижу, что я ошибся. Ты не хочешь выдать своих сообщников по английскому шпионажу, которые еще орудут на свободе. Мы тебя заставим выдать их. Тов[арищ] Кобулов, отправьте Маханова в Сухановку и ведите следствие по утверждённой мной программе усиленного следствия. Все! Уведите врага народа Маханова, больше я не желаю его видеть.

И меня увели обратно в мою одиночную камеру. Я стал анализировать свое поведение и нашел, что надо было более убедительно говорить с наркомом Берией и доказать ему, что я, как субъективно, так и объективно, никак не мог стать шпионом и заговорщиком. Мысленно я бичевал себя и считал, что я отвратительно вел себя в кабинете Берии, так слабо и ненастойчиво доказывал свое алиби, свою непричастность к нелепым обвинениям. Почему я не рассказал наркому всю мою жизнь с 1937 г., и он, вероятно, усомнился бы в виновности моей. Мне казалось, что я упустил последнюю и единственную возможность доказать свою невиновность. Такой был благоприятный случай последнего свидания с ним, и я его не использовал.

Все последующие дни и ночи я занимался самобичеванием, что я совершенно неумный идиот [и] тупица, неспособный себя защитить и реабилитировать, что я растерялся в кабинете Берии и не произнес в свою защиту ни одного доказательства своей невиновности. Единственная жалоба, что меня избивают, о которой я заявил наркому, была отвергнута Кобуловым и самим Берией. Но постепенно самобичевание стало остывать, и я стал анализировать каждое слово Берии, сказанное мне. Анализ показал мне, что Берия не коммунист, не большевик, а также как и избивавший меня Родос², самый большой чиновник, использующий волю высшей инстанции (Сталина), и системой и методами следствия оправдывающий назначение свое и всего аппарата органов госбезопасности. Если нет настоящих шпионов, то надо их сфабриковать, и таким образом оправдать существование такого огромного аппарата госбезопасности. Это настоящая фабрика шпионов в грандиозном масштабе, с высокой производительностью труда сотрудников и высокой техникой истязания арестованных. Вот во что выродилась Чрезвычайная

¹ Васильев Николай Петрович – помощник И.А. Маханова в конструкторском бюро на Кировском заводе.

² Родос Борис Вениаминович (1905–1956) – полковник госбезопасности, один из активных участников сталинских репрессий. 5 октября 1953 г. арестован. Расстрелян 20 апреля 1956 г.

комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, орган, созданный Лениным¹, но подконтрольный наркомату юстиции и прокуратуре. Теперь этот грандиозный аппарат предназначен не для того, чтобы поймать белогвардейцев, перебежчика из эмиграции, или скрывающегося под чужой фамилией участника контрреволюционных восстаний, а для того, чтобы изолировать тех коммунистов и беспартийных, которые или не согласны с беззаконием и произволом Сталина, или потенциально могут быть не согласны. Так как таких людей много, то нужен большой аппарат для формирования их виновности.

В результате этого анализа я пришел к заключению, что Сталин добивается, чтобы управляемый им народ был абсолютно послушен, не критичен, без сомнений, без претензий², чтобы он был однообразен и прост. Этот народ, благодаря продуманной системе пропаганды и агитации, восхваляющей и превозносящей Сталина до небес, до божества, и благодаря такому мощному аппарату госбезопасности, который без конца открывает все новые и новые заговоры и шпионские организации, создает атмосферу подозрительности, доносов друг на друга и страха, превращающих всех советских граждан в натренированных и абсолютно послушных рабов, дорожащих своей рабской свободой.

[То,] что это явление в развитии Советского государства абсолютно чуждо ленинизму, ленинским нормам и принципам партийной и государственной демократии, для меня стало абсолютно ясным и несомненным. Недаром Ильич предупреждал партию не избирать Сталина генсеком, так как он способен забрать такую власть, что все завоевания революции будут перечеркнуты, и установится не диктатура пролетариата, а его личная диктатура³.

Ильич знал, кроме властности, честолюбия, непримиримости и злобы, в натуре Сталина есть черты, уводящие его от марксизма к макиавеллизму⁴, что Ильич назвал гадостью и мерзостью. Куда же Сталин ведет страну и народ – к коммунизму, или к капитализму, или еще к какому-то новому общественному строю, им самим изобретенному, и что это за общественный строй? Вот в чем вопрос.

Покуда я раздумывал над этим кардинальным вопросом, меня, голубчика, с моими жалкими пожитками вывели из одиночной⁵ камеры, спустили на лифте в нижний этаж тюрьмы и поместили в общую камеру, где было человек пять народу. Этому я отчасти был рад, так как я, несомненно, если это люди свежие, приобщусь к событиям, происходящим на свободе. Один из этих пяти оказался инженер-путеец из проектного института при НКПС⁶, который возглавлял бывший наш путилевский конструктор по паровозам [пропущено], теперь фамилию его забыл. Этот инженер был недавно арестован и рассказал мне, что на свободе имеют место такие события, что рядовому коммунисту совершенно невозможно разобраться. На партсобраниях доказывают, что Гитлер⁷ не враг, а друг Советского Союза, и что он свою книгу «Майн Кампф»⁸ переделал⁹, все антисоветское изъято, и книга переведена на русский язык. Много людей, партийных работников, военных и гражданских инженеров ездят в Германию, с которой заключен договор о дружбе, ненападении на

¹ Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870–1924) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, один из организаторов Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) и ее лидер, создатель Советского государства, председатель СНК РСФСР в 1917–1924 гг.

² Слово вписано над строкой.

³ Автор имеет в виду написанное В.И. Лениным в конце 1922 г. «Письмо к съезду», содержащее критику в адрес его соратников (Ленин, 1970: 343–346).

⁴ Макиавеллизм – политика, основанная на культе грубой силы, пренебрежении нормами морали.

⁵ Слово вписано над зачеркнутым словом.

⁶ Народный комиссариат путей сообщения.

⁷ Гитлер Адольф (1889–1945) – основоположник национал-социализма, создатель Третьего рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии, рейхсканцлер и верховный главнокомандующий Германии.

⁸ «Майн Кампф» («Моя борьба») – книга, написанная Гитлером в 1925 г. – манифест германского фашизма.

⁹ В тексте далее добавлено «где».

20 лет¹. Польшу разделили пополам; западная часть с Варшавой досталась Гитлеру, а восточная часть Советскому Союзу². Прибалтийские страны – Эстонию, Латвию и Литву – мы оккупировали, и там теперь советская власть³. Началась война с финнами, и, очевидно, Финляндия будет также оккупирована⁴. Несколько ранее⁵ началась война между гитлеровской Германией с одной стороны, и Англией и Францией с другой стороны, но война довольно пассивная: стоят друг против друга на линии Мажино⁶ и не двигаются⁷. Вот все, что рассказал инженер-путеец, фамилии которого я уже не помню.

То, что он мне рассказал, это было для меня очень много, и я не в состоянии был сразу все это осмыслить. Одно сразу для меня стало понятным, а именно то⁸, почему⁹ от меня перестали требовать [признать] шпионаж немецкий, и требуют шпионаж английский.

Насколько примитивно и грубо фальсифицировано ведется следствие по таким разделам как шпионаж, можно судить по рассказу моего бывшего сокамерника на ранней стадии моего¹⁰ следствия. Это может быть потому, что советские следователи сами прекрасно понимают, что имеют дело с липовыми шпионами, а в этом случае не опасно, если следователь запишет какую-нибудь несуразную чепуху. Вот, что рассказал Гладун¹¹: его следователь избивал его беспощадно, требуя от него, кто его завербовал в английскую разведку, и до того устал избивая, что буквально взмолился, чтобы Гладун наконец признался. Тогда Гладун выдумал такую несуразную чушь, что только следователь малокультурный, неразвитый, каким и был его следователь, мог принять такую версию. Гладун показал, что в английскую разведку его завербовал Джонсон Хикс – министр внутренних дел Англии¹², что последний специально прилетел на самолете из Лондона, встретился с ним в отеле «Националь», и завербовал его. Он (Гладун) якобы получил от сэра Хикса 100 000 руб. совзнаками и 1000 фунтов стерлингов на дело организации шпионской сети в Москве.

Следователь по своей наивности и необразованности все это записал в протоколе допроса, а Гладун подписал каждую страницу протокола. Следователь торжествовал и решил угостить Гладуна тут же хорошим ужином (колбаса, ветчина, пиво и папиросы). После ужина Гладун так сожалел, что ввел своего следователя в такую авантюру, которая могла для следователя закончиться плохо. Ему стало так жалко своего палача, но все же он не признал, что эта версия такая несуразная чепуха, в которую его начальство, сколь оно тоже мало эрудированно, не поверит и забракует протокол допроса. Так оно и случилось. Этого следователя он уже больше не видел, а его, Гладуна, за провокацию посадили в карцер.

¹ Перепутаны два договора: советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор о дружбе и границах между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г.

² Раздел Польши между Германией и СССР был произведен в соответствии с секретными протоколами к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г.

³ В 1940 г. Латвия, Литва и Эстония вошли в состав СССР.

⁴ Автор имеет в виду Советско-финляндскую войну (1939–1940).

⁵ Два слова вписаны над строкой.

⁶ Система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгйона.

⁷ Начальный период Второй мировой войны на Западном фронте получил название «Странной войны» вследствие отсутствия интенсивных боевых действий.

⁸ В тексте добавлено «что».

⁹ Слово вписано над строкой.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Гладун Алексей Федорович (1894–1939) родился в городе Николаеве в семье столяра. В 16 лет отправился в США, работал на инструментальном заводе, вступил в социалистическую партию, потом в группу русских социал-демократов – большевиков. В Россию вернулся в 1920 г., был заместителем директора автомобильного завода АМО, руководил издательством «Экономическая жизнь». В 1927 г. направлен на дипломатическую работу, но из-за шпионского скандала вернулся на Родину. Выказывалось предположение, что он был расстрелян как «троцкист и английский шпион» (Алексей Федорович Гладун, 2017). Но из мемуаров Маханова следует, что в 1939 г. Гладун находился в сталинских застенках.

¹² Джонсон Хикс – министр внутренних дел Англии в правительстве Стэнли Болдуина (1924–1929) (Майский, 1980).

По составу арестованных в камере я понял, что нахожусь в каком-то коллекторе, откуда арестованных увозят каждый день по разным тюрьмам¹, и поэтому состав камеры² каждый день меняется. Я пробыл в этой камере три дня. Перевидал много людей, недавно и давно арестованных. Встречались и такие, которые сидят на следствии два – четыре года, и не видно конца следствию. В общем, солидное предприятие «фабрика шпионов на Лубянке», как я его называл, работала полным ходом, и промфинплан³ выполняла и перевыполняла.

В этом коллекторе-камере встретил я и такого партийного работника, который занимал большие должности в системе Наркомата внутренней торговли, и от него требовали показания на Микояна⁴, то есть на самого наркома. Этот человек последнее время был директором санатория Совнаркома⁵ в Теберде⁶. Он рассказывал, что в системе торговли творятся такие безобразия, причиняющие стране убытки в сотнях миллионов рублей, что это очень легко приписать плохому руководству со стороны самого Микояна. Сама система госторговли ничего социалистического в своей основе не содержит, а, скорее, является госкапиталистической, где государство является оптовиком, а розничная торговля по существу своему частнокапиталистическая. Директор каждого магазина по существу является тем мелким торговцем, которому на откуп дан магазин, штат служащих и товары. В магазине при продаже товаров он волен обманывать потребителей так, как он сумеет, лишь бы не получилось крупного скандала. От инспекторов госконтроля он легко откупается взятками. А государство только требует от него деньги⁷, и больше ничего. Такая система розничной торговли, по его мнению, дает широчайший простор для злоупотреблений, а оптовая торговля для крупных махинаций. По его словам, ему до того стало противно работать в микояновской «гославочке», что он решил покинуть ее и устроился директором санатория в Теберде, но его вскоре же арестовали.

До этой встречи я никогда даже не думал о нашей госторговле, и рассказы этого товарища были для меня откровением. Для меня, как и для многих мне подобных, занятых своими неотложными делами, не соприкасаясь с торговлей вообще, казалось, что уж в этой области народного хозяйства у нас достигнут полный социализм, и скоро перейдем к коммунизму (распределению «каждому по потребностям»). А по рассказам этого товарища получается, что массовый⁸ потребитель получает продукт обязательно ниже сортом, чем цена, с недовесом и прочее, а воротилы госторговли получают сверх потребности и живут так, как не жили капиталисты. Где же госконтроль? Почему он не разоблачит эту гниющую систему торговли? По словам этого товарища, представители госконтроля все куплены воротилами госторговли. Кроме того, им некогда заниматься госторговлей, так как они заняты ловлей шпионов, диверсантов и изменников Родины. А где же прокуратура? Но на этот вопрос я получил ответ от самого прокурора.

На третий день пребывания в камере-коллекторе я был вызван к начальнику внутренней тюрьмы капитану госбезопасности Миронову. В его кабинете сидел прокурор по надзору за тюрьмами, как мне объяснил начальник тюрьмы, и желает со мной поговорить. Прокурор спрашивает меня, есть у меня жалобы на следствие и на содержание во внутренней тюрьме⁹. Я ответил, что у меня, прежде всего, есть жалобы на прокуратуру, которая не контролирует следствие. Где же это видано¹⁰, чтобы человека арестовали 27 июня 1939 г. и в течение полугода прокуратура не контролирует ход следствия, не интересуется, чем вызвана такая задержка в следствии, а мне, арестованному по ордеру, подписанному

¹ Бутырка, Лефортово, Таганка и др. – Прим. И.А. Маханова.

² Слово вписано над строкой.

³ Промышленно-финансовый план.

⁴ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) — революционер, советский государственный и политический деятель, Герой Социалистического Труда. В 1938–1949 гг. — нарком (министр) внешней торговли. Член Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС в 1935–1966 гг., Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1964–1965 гг.

⁵ Совет народных комиссаров (СНК) — наименование советского правительства с 1917 по 1946 гг.

⁶ Теберда — город-курорт в Карачаево-Черкесии.

⁷ Определенную сумму — Прим. И.А. Маханова.

⁸ Слово вписано над строкой.

⁹ Миронов в это время покинул свой кабинет — Прим. И.А. Маханова.

¹⁰ Хотя я никогда не читал процессуального кодекса — Прим. И.А. Маханова.

генеральным прокурором, ни разу следствие не объявило разрешение на содержание меня под арестом в течение полугода. Здесь, в камере-коллекторе я встретил людей, которые сидят под следствием 4 года, это так можно весь срок заключения просидеть под следствием, если бы у нас сроки заключения были бы менее 25 лет. А известно Вам, прокурор, как ведется мое следствие? Меня избивали следователи Мешик¹, сам Кобулов (заместитель Берии), выбивали из меня показания, что я участник военного заговора Тухачевского и немецкий шпион. А вот теперь Берия объявил, что я и немецкий шпион, и английский и что им нужны показания только по шпионажу в пользу Англии, а показания как немецкого шпиона уже не актуальны, устарели. Газет мне не дают читать, и поэтому я своевременно не перестроился на показания об английском шпионаже. Я прошу, чтобы Вы составили протокол допроса арестованного Маханова и записали мою главную жалобу об истязаниях на протяжении июля – сентября месяцев. Прокурор мне ответил, что он не уполномочен на составление протокола допроса, а обязан только выслушать устные заявления арестованных:

– Мы делаем это, обходя тюремные камеры, но для Вас мы сделаем исключение. Но я доложу главному прокурору по надзору об истязаниях, которым Вы подвергались.

Так ответил мне прокурор. Из этого свидания с прокурором я понял, что они бессильны что-нибудь предпринять, и не имеют права составить протокол допроса, избличающий следователей в нарушении законов и произволе. Нечего сказать, хороша прокуратура. За что только государство платит им зарплату, если она никак не заработана, если они не выполняют свое назначение блюсти законность и бороться с произволом. Это не прокуратура, а фикция. При расставании я попросил его что-нибудь сделать, чтобы из дома прислали мне зимние вещи и другой костюм, так как на мне висели буквально одни лохмотья от заграничного костюма.

– Так усердно работали следователи², в поте лица зарабатывая свой хлеб – сказал я прокурору. Прокурор обещал сообщить моей семье об этом и на прощание заявил, что Вы, арестованный Маханов, по решению высшей инстанции переводитесь в особую тюрьму, куда не имеет доступа ни один прокурор. Я бы Вам советовал, пока не поздно прекратить сопротивление и борьбу за свою невиновность и признать себя виновным. Все равно Вас заставят это сделать, но более жестокими методами следствия, чем до сих пор. Вы только подумайте, можете ли Вы отстоять свою невиновность, когда против Вас стоит вся государственная машина. Одумайтесь, Маханов, пока не поздно. Пожалейте своего сына. Нет, нет и нет. Пока я не увижу, что сопротивление бесполезно, бессмысленно, то ради сына, может быть, я соглашусь взять на себя такое обвинение. Это сделать никогда не поздно. На этом мы расстались. Я остался доволен самим собой. Хотя прокурор и толкал меня на ложные показания, не утверждая, что я действительно виновен, нельзя было не почувствовать в его словах жалость и сочувствие³ ко мне, ввиду предстоящих еще больших страданий. Надо испить чашу страданий до конца. У каждого из нас своя Голгофа. Посмотрим, что это за чудовище, имя которому Сухановка, и адрес станция Расторгуево⁴ по Павелецкой железной дороге⁵.

Наконец, наступил момент⁶, открылась «кормушка» (маленькая дверца) в двери камеры-коллектора, и голос надзирателя произнес:

– Кто тут на «Мы»?⁷

Я подошел к «кормушке».

Надзиратель спрашивает:

¹ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) – деятель органов государственной безопасности СССР, генерал-лейтенант, один из организаторов сталинских репрессий. Расстрелян.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Расторгуево – пассажирская платформа Павелецкого направления Московской железной дороги в городе Видное Ленинского района Московской области.

⁵ Автор имеет ввиду железнодорожную ветку Московской железной дороги, начинающуюся на Павелецком вокзале.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ То есть у кого фамилия начинается на букву «Эм»? – Прим. И.А. Маханова.

– Хвомылыя!¹

Говорю:

– Маханов.

Надзиратель:

– Националы?²

Отвечаю:

– Иван Абрамович.

Надзиратель:

– Собирайся з вещами.

Я приготовился быстро, так как вещей было «кот наплакал». Через несколько минут загремел замок угрожающе, и дверь открылась.

Надзиратель:

– Выходи з вещами!

Я попрощался с сокамерниками и вышел. На лицах сокамерников я видел скорбь и сочувствие, так как все знали, что меня переводят в таинственную тюрьму, где творятся средневековые пытки.

При выходе на двор, так устроено, что попадаешь сразу, не касаясь земли, в узкий коридорчик автомашины, называемой заключенными «Черный ворон», «Черная Мэри», тогда обычно эти машины того времени были окрашены в светлые тона, и крупно выведены надписи: «хлеб» или «мясо». Из коридорчика «Черного ворона» конвоир заталкивает, и буквально втискивает в камеру, размеры которой соответствуют размерам среднего человека в стоячем положении. Так как мои размеры сравнительно небольшие (рост 170), то для меня эта операция втискивания не была болезненной. Для людей полных и высоких «жилплощадь» явно была недостаточна. По шуму мне стало ясно, что погрузка продолжается, и прибывают в машину все новые и новые персоны, которых я не вижу, но слышу. Уже хорошо то, что я не одинок в своей Голгофе. Хотя это и отдает эгоизмом, но ситуация настолько необычна, чудовищна и бесчеловечна, что это простительно для страдающего: на миру и смерть не страшна!

Наконец, погрузка «живого мяса» в фургон закончилась, и машина выехала на улицы столицы нашей Родины. Был слышен шум уличного движения, гудки автомобилей³, но довольно слабо, так как эти машины сделаны из звуконепропускаемых материалов. Но вот шум уличного движения стал затихать, и фургон с большой скоростью понесся, очевидно, по загородному шоссе. Приблизительно езда продолжалась не менее часа. А в камере фургона объем воздуха был не более чем объем тела, и очень скоро, несмотря на мои чудные легкие и сердце, я почувствовал удушье от недостатка кислорода. Если вначале, когда меня втиснули в камеру-малютку⁴, было очень холодно, так как я был одет полетному⁵, а мороз на дворе был очень свирепый, как потом я узнал, мороз был свыше 30°⁶, то через полчаса мне было очень жарко, и даже мои живописные заграничные лохмотья (костюм) были лишними, и с меня градом катил пот.

Наконец, машина остановилась. Открылись с лязгом железные ворота, и фургон въехал во двор. Началась выгрузка «живого мяса». Очередь дошла и до меня. Но когда [я] сошел с фургона, весь потный, мне было приятно от окружающего меня воздуха, температурой за минус 30° или 40°, так мне было жарко и душно в фургоне. Никого из спутников я так и не увидел. Все было в этой тюрьме очень таинственно. Из так называемого приемника меня повели по двору тюрьмы, и я имел несколько минут для обозрения «экстерьера» этого замечательного учреждения, которое следовало бы назвать не Сухановка, а Сталинка: *Nulla virtute redemptum!*⁷

¹ Ясно, что надзиратель украинец – Прим. И.А. Маханова.

² Что значит инициалы – Прим. И.А. Маханова.

³ Над строкой, сверху перед словом «автомобилей» вписала цифра «31».

⁴ В тексте добавлено «где».

⁵ Арестован в жару 27 июня – Прим. И.А. Маханова.

⁶ Это было конец ноября или начало декабря 1939 г. – Прим. И.А. Маханова.

⁷ [Чудовище], которого не оправдает никакая добродетель. Ювенал. Перевод И.А. Маханова.

Мало кто знает, и мало кто слышал, что недалеко от столицы нашей Родины на станции Расторгуевой по Павелецкой железной дороге в годы сталинской эпохи существовала, кроме многочисленных больших тюрем самой столицы¹, небольшая по своей вместительности особая тюрьма с особым тюремным режимом следственного назначения. Следователи столичных тюрем с таинственным видом устрашения арестованных² называли ее Сухановка. Как потом мне удалось выяснить, столь странное название этой действительно страшной тюрьмы, когда я сам попал туда, происходит от того, что до революции здесь была загородная резиденция богатого московского купца Суханова³, очень религиозного и богомольного.

Архитектурный ансамбль резиденции купца Суханова, с точки зрения «экстерьера», в основном остался без изменений. Внутренняя структура, устройство и практическое использование его подверглось таким изменениям, что если бы купец Суханов узнал, что творится внутри его детища, предназначенного только для служения Богу, то, наверное, он усомнился бы в существовании Бога, и вера его была бы потрясена до основания. Архитектурный ансамбль, как мне удалось уловить, когда меня вели из приемника⁴ в камеру, состоял из обширного двухэтажного купеческого дома⁵ длиной примерно метров 30, большой церкви, отстоящей от дома на расстоянии около 30 метров, и двухэтажного монашеского дома длиной метров 40, своим торцом почти примыкающего к купеческому дому.

Купец Суханов содержал за свой счет на своей резиденции целый мужской монастырь, монахи которого жили в кельях последнего корпуса. Число монахов, очевидно, было около сотни, по числу келий. Этот ансамбль зданий был окружен еще во времена Суханова высокой каменной оградой – монастырскими стенами, которые совершенно скрывали здание и двор от любопытства прохожих. Все было сделано так, что как нельзя больше подходило для использования всей загородной резиденции Суханова под особую тюрьму.

В бывшем купеческом доме во втором этаже его разместился следственный корпус, а в первом этаже – одиночные камеры. Бывший монастырский дом, где были только монашеские кельи, был использован как основной тюремный корпус с одиночными камерами. В церкви было несколько общих камер и помещения для истязания и пыток. Арестованные церковь называли «пытошной», как во времена Древней Руси. Сталин любил и преклонялся перед «гением» Ивана Грозного⁶, и в оформлении и содержании своей особой тюрьмы видны были его симпатии к царю-сыноубийце⁷.

Кажется и в отношении сыноубийства между Грозным и Сталиным полная аналогия. Судьба Якова Джугашвили⁸ столь же печальна и трагична, как и судьба царевича Иоанна, погибнувшего от руки своего родителя. В отношении женоубийства Сталин не превзошел своего предшественника, но печальная и трагическая судьба Надежды⁹ Сергеевны Аллилуевой (жены Сталина)¹⁰ очень походит на судьбу жен Ивана Грозного¹. В отношении

¹ Бутырка, Лефортовская, Таганская, Внутренняя на Лубянке и прочие – *Прим. И.А. Маханова.*

² Мне казалось, что некоторые из них и сами боялись этой тюрьмы – *Прим. И.А. Маханова.*

³ Автора ввели в заблуждение. Сухановы являлись купцами в Усть-Сысолье и никакого отношения к Спасо-Екатерининскому монастырю не имели. Сухановским монастырь, а вслед за ним и тюрьма стали называться из-за территориальной близости села Сухановки – имения князей Волконских.

⁴ Это помещение явно не сухановское, а сталинское – *Прим. И.А. Маханова.*

⁵ Характерной постройки купеческой Москвы – *Прим. И.А. Маханова.*

⁶ Это видно по двум сериям фильма «Царь Иван Грозный», где увековечил себя народный артист Черкасов – *Прим. И.А. Маханова.*

⁷ По одной из версий царь Иван Грозный убил в ссоре своего сына и наследника царевича Ивана, ударив его посохом. Эта трагедия запечатлена в картине И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года».

⁸ Джугашвили Яков Иосифович (1907–1943) – старший сын И.В. Сталина. Погиб во время Великой Отечественной войны в немецком концлагере.

⁹ В тексте ошибочно «Аллы».

¹⁰ Аллилуева Надежда Сергеевна (1901–1932) – вторая жена И.В. Сталина. По свидетельствам очевидцев, 7 ноября 1932 г. в квартире К.Е. Ворошилова между Аллилуевой и Сталиным произошла очередная ссора. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. Н.С. Аллилуева выстрелила себе в сердце из пистолета «Вальтер», запершись в своей комнате.

же массовых убийств Сталин превзошел не только Грозного, но и суммарное злодейство всех убийц, когда-либо существовавших за всю историю человечества, включая и доисторический период приматов.

Естественно, что в отношении «пытошной» Грозный, инквизиция и прочие мерзости, не могли и мечтать о столь совершенном и безотказном аппарате XX века.

Основное тюремное здание – монашеский корпус, со следственным корпусом (купеческий дом) были соединены подземным коридором, по которому тюремные надзиратели водили арестованных из камер в кабинеты следователей на допрос и обратно.

Тюрьма эта может быть названа, вполне заслуженно, особой и ужасной, вследствие того, что тюремный режим в ней резко отличался от обычного тюремного режима больших столичных тюрем. Так, в Сухановке арестованные лишены прогулок по тюремному двору, лишены книг для чтения, игр (шашки, шахматы, домино), всяких передач (вещевых, продовольственных и денежных), свиданий и переписки. В обычных следственных тюрьмах (Бутырка, Лефортово, Таганка и др.) вышеперечисленные традиционные права арестованных даже вывешиваются внутри камер, тогда как в Сухановке арестованные лишались даже таких элементарных традиционных прав. В довершение всего, так как на допросы арестованных водят по подземным коридорам, то арестованные в течение длительного времени, доходящего до 4–5 лет, не бывают на воздухе и делаются бледными, и почти прозрачными от отсутствия солнечной радиации. Окна в камерах арестованных застеклены непрозрачным матовым, армированным металлической сеткой стеклом и решеткой снаружи. Поэтому в камерах, даже в яркий солнечный день, стоит полумрак, как в обычные сумерки, и всегда, день и ночь, горит электрический свет.

Бывшие монашеские кельи для превращения их в камеры, предназначенные для арестованных, жаждущих не жизни, а смерти и способных в большинстве случаев изыскать любые средства для самоубийства, реконструировали так, чтобы исключить возможность самоубийства арестованного. Камера внутри так зализана, углы так закруглены большим радиусом, стены совершенно гладкие, без каких-либо выступов, все сделано, чтобы арестованный в отчаянии не мог бы размозжить себе голову. Никакой кровати или ложа, а специальное спальное приспособление скрыто в стене, где сделано прямоугольное углубление площадью 0,75x2 метра и глубиной 0,2 метра. Это углубление плотно закрывается деревянной крышкой и запирается внутренним замком. Когда крышка откинута на 90° в горизонтальное положение, тогда она служит ложем для постели арестованного. В это же углубление на дневное время убирается матрац и подушка, набитые стружкой, и одеяло. Режим дня арестованного очень строгий, не допускающий никаких отклонений и послаблений. Подъем в 6 часов утра. При этом в камеру входит надзиратель, предварительно производя ужасный шум и лязг ключами, замком и дверью способный разбудить даже мертвого, и закрывает на ключ постельное приспособление, которое вновь открывается только в 11 часов ночи, и уходит на несколько минут, давая возможность подготовиться к утреннему туалету. Через несколько минут он вновь открывает дверь, но с меньшим лязгом, и тихо говорит (шепотом):

– Арестованный, возьмите парашу² и следуйте в уборную. Арестованный вешает себе на шею полотенце, кладет на крышку «параша» мыло, зубной порошок, щетку и несет «парашу» в уборную. Обязанность арестованного вымыть «парашу», совершить собственный туалет, наполнить «парашу» водой и ожидать приказа:

– Арестованный, следуйте в камеру.

Дверь камеры за арестованным закрывается, и на этом кончается первая значительная церемония «рабочего дня» арестованного, в которой он видит ничтожный кусочек внешнего мира, от которого он абсолютно изолирован. Он опять находится в одиночестве в камере, размерами 2x3 метра, в общении только со своими мыслями и ощущениями. В центре камеры расположен маленький круглый столик диаметром 300 мм, укрепленный на

¹ Женами Ивана Грозного были: Анастасия Захарьина-Рюмина, Мария Черкасская, Марфа Собакина, Анна Колтовская, Мария Долгорукая, Анна Васильчикова, Василиса Мелентьева, Мария Нагая.

² Параша – это тюремное традиционное имя деревянного раньше, металлического теперь, бочка для мочи и экскрементов. Заключение любовно называют «Прасковья Ивановна» – Прим. И.А. Маханова.

железной стойке, круглого сечения, забетонированный в бетонном полу. Рядом со столиком расположен один стул, точнее сидение, диаметром 150 мм, при продолжительном сидении на нем напоминающий «турецкую мебель», на которую турки сажали пленных запорожцев. Стойка этого сидения железная, тоже круглого сечения, которая тоже забетонирована в полу. Арестованный, если нет допросов, целый день предоставлен сам себе, и имеет право либо ходить по камере, хоть до полного изнеможения, или сидеть на «турецком стуле», но не спать, не дремать сидя. В сидячем положении лицо арестованного должно быть обращено на дверь. В двери камеры имеется небольшое окошечко размером 200x200 мм с откидной дверцей, называемое «кормушкой», так как через это окошечко подается арестованному пища. Над этим окошечком в двери имеется отверстие диаметром 20 мм, застекленное, и снаружи прикрываемое откидной крышечкой. Это отверстие называется «глазок», и через стекло этого «глазка» арестованный видит только один глаз надзирателя или следователя, или начальника тюрьмы. Надзиратель смотрит в этот глазок очень часто и не дает арестованному дремать, спать сидя или даже закрывать глаза. Я все же так натренировался, что мог спать по-настоящему с открытыми глазами, и только мой храп выдавал меня. Вот научиться не храпеть я так и не смог¹.

В 8 часов утра кормушка открывается, и арестованный получает пайку черного хлеба, примерно 0,5 кг, и два кусочка пиленого сахара – это дневной рацион. Минут через 10 вновь открывается кормушка, и арестованный получает алюминиевую кружку горячей воды со следами ячменного кофе. Пустая кружка отбирается. На этом кончается завтрак. В 13 часов дня кормушка открывается, и арестованному подается сначала миска трескового супа, или супа, сваренного на мясных костях, в качестве первого блюда, а потом через некоторое время миска каши (ячневой, овсяной или пшеничной). В 6 часов вечера через кормушку подается ужин, состоящий только из миски каши. Посуда каждый раз отбирается, и в камере ничего не остается.

После краткого описания особой тюрьмы Сухановки вернемся к тому, что автора ведут из приемника в церковь. На дворе ужасный мороз, а арестованный Маханов одет в живописные лохмотья своего заграничного костюма так, как будто он находится в Неаполе при температуре примерно градусов тридцать тепла, а не мороза, как это имеет место на дворе тюрьмы Сухановки. На голове арестованного роскошная шляпа «борсалина»² без ленты, которую срезали надзиратели, опасаясь, что в Сухановке я могу на ней повеситься. Как не любопытно было обозревать весь «экстерьер» архитектурного ансамбля этого самого замечательного монумента Сталину, мороз так пробирал меня, что я уже мечтал поскорее оказаться в стенах «храма божьего» и найти там теплый приют.

Меня привели на второй этаж этого храма, в какой-то закоулок, и ввели в камеру-одиночку, где мороз был такой же, как и на дворе. Так неприветливо встретил меня бывший храм божий, но так как через некоторое время я мог замерзнуть, и таким образом «улизнуть» из рук сталинского правосудия, то администрация тюрьмы забегала, опасаясь, как бы им не оказаться на моем месте. Оказалось, что система отопления в этой камере замерзла, и сколько они не старались обогреть камеру, ничего не получалось. Я уже терял последние свои калории, и, может быть, если бы администрация помедлила, то мне удалось бы «драпануть» на тот свет, как было бы хорошо. Если в начале пребывания в камере я совершал свои дикие танц-плясы, разогревая движениями свое брэнное, измученное, избитое тело, то к утру я смиренно сел на замерзший бетонный пол и отдался в руки Провидения.

Опять начался «Аларм»³, и меня два надзирателя подняли на руки и понесли и, наконец, внесли в теплую камеру, где были две постели (бонбоньерочки⁴ сталинской конструкции). Одна из них была занята, и на ней сидел в нижнем белье только что⁵

¹ В тексте «научился».

² Зимняя мягкая фетровая шляпа – продукция итальянской фирмы Борсалино, которая работает на рынке головных уборов с середины XIX в.

³ Аларм – устаревший термин, означавший внезапный, чрезвычайный сбор находящихся под ружьем войск на назначенные заранее места (так называемые места аларма). Знак этому подается барабаном, рожком и трубой или сигнальными выстрелами и т.п.

⁴ Одно слово вычеркнуто.

⁵ Слово вписано над строкой.

разбуженный арестованный, а вторая была свободна, и на нее меня опустили надзиратели. Тут же вошли в камеру начальник тюрьмы капитан [Г.Е.] Ионов¹, врач и медсестра. Меня, полуживого почти, в бессознательном состоянии раздели, стали массировать, восстанавливать кровообращение, и я, почти не сознавая, что со мной происходит, заснул.

Проснулся арестованный Маханов от приятного² ощущения, что кто-то гладит его по голове, по рукам. Открыв глаза, я еще не осознал, где нахожусь, и кто меня гладит. Вижу: передо мною сидит на моей постели очень бледный человек, худой, осунувшийся, с седой бородой, с правильными чертами лица, с добрыми ласковыми глазами, полными слез. Человек этот плакал, и плакал так безутешно, что мне стало больно за него, мне казалось, что это плачет мой отец, и я крикнул:

– Папа! Не надо плакать, ведь я еще не умер!

– Сынок! – сквозь слезы произнес этот человек, – эти палачи чуть-чуть тебя не загубили, но теперь пока ты не поправишься, они будут ухаживать за тобой. А когда ты будешь здоров, то будут допрашивать тебя. Кто ты, сынок, и откуда? Я стал рассказывать о себе. Меня зовут Иваном Абрамовичем Махановым, мне 38 лет, по специальности я инженер-конструктор, и последние 11 лет до ареста работал главным конструктором Путиловского завода. Арестован по обвинению в участии в военном заговоре Тухачевского и в шпионаже. Виновным признавать себя отказался, и вот меня привезли в Сухановку. Арестован 27 июня 1939 г., и до сих пор находился во внутренней тюрьме на Лубянке. По политическим убеждениям коммунист и состою членом ВКП(б) с 1917 г. Вот пока и все. Мой сокамерник, который мне очень понравился своей добротой, теплотой и таким душевным сочувствием, стал рекомендовать себя:

– Боговой Иван Васильевич. Мне около 50 лет, но я выгляжу как семидесятилетний старик. Это и неудивительно, так как я нахожусь под следствием 3 года, и в такой ужасной тюрьме, как Сухановка. Я член ВКП(б) с подпольным стажем. Меня арестовали по обвинению в участии в правотроцкистской оппозиции. Родом я из Шенкурска Архангельской губернии (области). До революции простой деревенский плотник. В царской армии служил солдатом Императорской гвардии Преображенского полка³. После нескольких ранений, и [в связи] с непригодностью к военной службе⁴, был отпущен домой, и Февральская революция меня застала в Шенкурске. Участвовал в создании отряда Красной гвардии, и Октябрьский переворот выдвинул меня в председатели Архангельского губисполкома, потом послали меня учиться в Коммунистическую академию, а после ее окончания по собственному желанию и стремлению стать журналистом, ЦК послало работать в редакцию ЦО⁵ партии «Правда», где и работал до ареста в должности заместителя ответственного редактора «Правды» Мехлиса⁶. Намечался уже на пост ответственного редактора, ввиду перехода Мехлиса на военную работу, но вместо такого назначения был арестован, и вот уже 3 года нахожусь под следствием, все никак не могут оформить как следует обвинение, чтобы удобнее было меня расстрелять, но теперь, кажется, все уже подготовлено, и мучения моим приходит конец. Уж скорей бы все это кончилось!

Понемногу я стал вспоминать все, что я слышал о фактическом редакторе газеты «Правда» Иване Васильевиче Боговом, вращаясь в правительственных сферах.

¹ Ионов Г.Е. (1899–1950) – лейтенант, начальник Сухановской особой тюрьмы № 110 (Лубянка 1917–1960).

² Слово вписано над строкой.

³ Преображенский полк – один из старейших и наиболее элитных гвардейских полков Русской императорской армии. Полк был сформирован царем Петром I в 1691 г. из потешных солдат села Преображенского.

⁴ Слова вписаны над строкой.

⁵ Центрального органа.

⁶ Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – советский государственный и военный деятель, участник Гражданской войны, в 1920-е гг. – помощник генерального секретаря ЦК ВКП(б), главный редактор «Правды», начальник Политического, в первый год войны – Главного политического управления РККА, член военных советов ряда фронтов, нарком, министр государственного контроля СССР, генерал-полковник (Рубцов, 2007).

– Иван Васильевич, это Вас Молотов как-то окрестил в гардеробе в Кремле, когда Вы одевались, а я раздевался. Молотов, обращаясь к Сталину и указывая на Вас, сказал¹:

– Это наш Мартин Иден².

Я Вас тогда не знал, и когда я получил возможность после заседания комиссии обороны переговорить с Молотовым по своим делам, я, между прочим, спросил:

– Кого это Вы назвали нашим Мартином Иденом?

Молотов мне ответил:

– Это Боговой Иван Васильевич. До революции он был простым плотником, а теперь он редактор крупнейшей мировой газеты «Правда». Не правда ли, это «наш Мартин Иден», образ которого так красочно и величественно дал Джек Лондон³!

Боговой:

– Да, это относилось ко мне, и ко всем, кто вышел из недр русского народа, кого революционная волна подняла на гребень событий, кто впитал в себя ленинскую динамику и вырвался за рамки будничной, полной мещанства, жизни. Это относилось и к тебе, Ванюша. Наши жизненные траектории, выражаясь на языке баллистиков, совершенно подобны, и разница в том, что подчиняясь ленинской динамике⁴ и устремляясь к новым горизонтам, ты стал конструктором артиллерии, а я редактором большевистской газеты.

Чего я никак не ожидал, да и никто не мог допустить, чтобы наша судьба стала столь печальной и трагичной, как судьба Мартина Идена, но с той разницей, что герой Джека Лондона уходит добровольно из жизни пустой, мещанской, будничной, тогда как мы гибнем под ударами сталинской гильотины, а пролетарское государство, основанное Лениным на принципах пролетарской демократии, выродилось в варварскую диктатуру Сталина со всеми вытекающими последствиями. Вот мы оба с тобой стоим одной ногой уже в могиле. Что касается меня, то неизбежность гибели очевидна. Тебе, как конструктору⁵ артиллерии еще могут сохранить жизнь. Ты им нужен, а я не только им не нужен, но и опасен. Ты, Ванюша, меня вспомнил по мимолетной сцене в Кремле, а я тебя вспомнил, как только ты назвал свою фамилию. Я посмотрел на твое лицо, предо мною сразу всплыли наши фото на первой странице «Правды» в 1935 г., где ты фигурировал рядом со Сталиным и Молотовым, показывая им свои достижения – новые виды артвооружения. Ты был близок и вхож к Сталину и Молотову, это мне тоже известно. Но ты по своей большевистской психологии не удовлетворяешь основным требованиям варварского абсолютизма Сталина, а именно: абсолютной послушности, полного отсутствия критического мышления, способности унижаться до степени лакейства и подхалимства. Ты им не подходишь, и не удовлетворяешь требованиям сталинского стандарта. Ты, будучи конструктором на таком важном поприще, как вооружение Красной армии, был целиком поглощен техническими идеями и не замечал тех политических перемен и трансформаций, которые производил Сталин, а если и замечал, то в очень слабой степени и недостаточно для понимания обстановки, атмосферы и норм партийной и государственной жизни. Мне же пришлось работать как редактору «Правды» на таком поприще, где политические события, изменения⁶ отношений в партии, правительстве и в массах фокусировались и отражались на страницах ЦО как в зеркале, поэтому моя катастрофа не была для меня полной неожиданностью. Я ожидал ее, даже и в то время, которое вспомнил ты, когда Молотов уподобил меня такого сравнения, как «наш Мартин Иден».

– Я рассчитываю, – продолжал Иван Васильевич, – на длительное совместное пребывание в этой камере, и, вероятнее всего, мы скоро расстанемся навсегда, как только следствие узнает, что мы находимся вместе. Это счастье для меня, когда ты, как снег на голову свалился ко мне в камеру. Это произошло вследствие неряшливой работы администрации тюрьмы, которая могла повлечь за собою преждевременную смерть или длительную болезнь арестованного (подследственного). Это не входит в расчеты

¹ Слово вписано над строкой.

² «Мартин Иден» – роман Дж. Лондона (1909).

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова «ленинской динамике» вписаны над строкой.

⁵ В тексте добавлено: «по».

⁶ Слово написано над зачеркнутым словом.

следователей, тем более в такой тюрьме как эта, где сидят особо важные «преступники», вроде нас с тобой. Тебя скоро начнут допрашивать, и нашей встрече будет положен конец. Ты, может быть, еще увидишь свободу, а у меня для этого нет никаких данных, так как я был работником идеологического фронта, а тебя, конструктора, они пощадят, и ты обязательно будешь работать в особом конструкторском бюро НКВД, где уже работает Туполев¹ и другие инженеры. Поэтому я постараюсь использовать это мимолетное мгновение и максимально поделиться с тобой своим опытом, приобретенным как² на свободе, так³ и здесь.

Рис. 2. В.М. Молотов, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе беседуют на Софринском полигоне с конструктором И.А. Махановым. 14 июня 1935 г. «Правда». 1935. Июнь

За время своей учебы в Комкадемии⁴ и работы в редакции газеты⁵ «Правда» я убедился в том, что⁶ мы, большевики-ленинцы, совершили колоссальную и сугубо трагическую ошибку, когда не послушались завещания Ленина, нарушили его и поверили лживым коварным обещаниям Сталина, что⁷ он согласен и считает правильной критику Ленина в свой⁸ адрес, что⁹ он клянется перед партией в том, что коренным образом изменит свой характер и психологию в духе замечаний¹⁰ и критики в ленинском завещании. Эта ошибка предопределила печальную¹¹ судьбу всех ленинских кадров – полное истребление их и извращение учения Ленина о государстве и пролетарской революции. Затем последует систематическая обработка молодых партийных кадров в духе возвеличивания роли Сталина, фальсификация всей истории партии, а в дальнейшем постепенное принижение роли и авторитета Ленина.

¹ Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – русский и советский авиаконструктор, академик АН СССР, генерал-полковник-инженер, Герой Труда, трижды Герой Социалистического Труда. 21 октября 1937 г. арестован по обвинению во вредительстве, принадлежности к контрреволюционной организации. 28 мая 1940 г. приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей. Полностью реабилитирован в 1955 г.

² Слова «приобретенным как» вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Коммунистическая академия – высшее учебное заведение, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР. Действовала с 1918 по 1936 гг.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слова «в том, что» вписаны над строкой.

⁷ Далее одно слово зачеркнуто.

⁸ В тексте «его».

⁹ В тексте «но».

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Слово вписано над строкой.

В результате моих наблюдений над отношением Сталина к семье Ленина, к Надежде Константиновне¹ и Марии Ильиничне² и к порядкам в редакции газеты «Правда», установленным Лениным и Марией Ильиничной, позволяет мне утверждать, что Сталин не любил Ленина еще при его жизни. А после завещания Ленина он его возненавидел, и свою ненависть перенес на его семью вообще, и, в частности, на Марию Ильиничну. Когда я после Комакадемии пришел работать³ в редакцию газеты «Правда», то я сразу же был поражен зверским, грубым и хамским отношением Сталина к фактическому редактору ЦО, а ведь Мария Ильинична редактировала «Правду» в течение многих лет революции весьма успешно, правда, с некоторой помощью Владимира Ильича. Это была высокообразованная и высококультурная женщина-большевик, достойная своего гениального брата, и очень высококвалифицированный журналист. Это вполне естественно, так как она в течение многих лет работала по редактированию газеты под непосредственным руководством Ленина. Мне казалось само собой разумеющимся, что таким работником, как М.И. Ульянова надо было дорожить и ценить его. С первых дней моего пребывания в редакции я был неоднократно свидетелем, как М.И. Ульянова плакала от оскорблений, которыми она подвергалась со стороны Сталина как генерального секретаря ЦК партии. Сталин очень настойчиво добивался от редактора газеты ликвидации всех традиций и порядков, установленных самим Лениным, и, как это было не обидно для М.И. Ульяновой, она вынуждена была это делать. В конце концов, закончилось это истязание и преследование М.И. Ульяновой тем, что Сталин в самой грубой форме с оскорблениями такого же порядка, как в свое время он⁴, при жизни Ленина, оскорбил Крупскую⁵, буквально выгнал М.И. Ульянову из редакции и посадил ответственным редактором своего сатрапа Мехлиса, которого я теперь с полной ответственностью могу назвать мерзавцем из мерзавцев, палачом из палачей. Если к тому же учесть, что по рассказам М.И. Ульяновой нам, ее помощникам, Надежда Константиновна подвергается еще большим преследованиям, то можно себе представить те чувства, которые Сталин питал к Ленину, в которых нет ни грамма уважения, а уж о почитании не может быть и речи.

Заслуживает внимания для правильной оценки личности Сталина еще один факт, свидетелем которого мне пришлось быть, работая в редакции. Всем старым большевикам хорошо известна большевистская⁶ семья Сергея Аллилуева. Дочь старого большевика С.Я.⁷ Аллилуева⁸, Надежда⁹ Сергеевна была женой Сталина и работала в редакции газеты «Правда» в отделе по работе среди женщин вместе с женой Н.И. Ежова¹⁰. Мне, как заместителю ответственного редактора, да и другим руководящим работникам газеты было известно, что Сталин очень груб со своей женой, и в разговорах по телефону с ней¹¹ допускал такие оскорбительные выражения, которые не к лицу не только интеллигентному человеку, но даже рабочему или колхознику, исключая, конечно, хулиганов. Весь коллектив редакции и типографии газеты «Правда», в противоположность ее высокопоставленному мужу,

¹ Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – российская революционерка, советский государственный партийный, общественный и культурный деятель. Почетный член АН СССР. Жена В.И. Ленина.

² Ульянова Мария Ильинична (1878–1937) – участница российского революционного движения, советский партийный и государственный деятель, младшая сестра В.И. Ленина.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ В тексте «Сталин».

⁵ Как-то: гадина, проститутка и прочее – *Прим. И.А. Маханова.*

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Инициалы вписаны над строкой.

⁸ Аллилуев Сергей Яковлевич (1866–1945) – русский революционер, отец Надежды и Павла Аллилуевых, тесть И.В. Сталина. После революции работал в области электрификации, строил Шатурскую ГЭС, работал в «Ленэнерго». Умер в Москве в 1945 г.

⁹ В тексте ошибочно «Алла».

¹⁰ Ежова (Фейгенберг-Ноткина, Хаютина по первому мужу, Гладун по второму мужу) Евгения Соломоновна (1904–1938) – советский издательский работник. В 1930-е гг. – заместитель главного редактора журнала «СССР на стройке». Покончила жизнь самоубийством (по другой версии, убита мужем).

¹¹ Слово вписано над строкой.

за исключением злопыхателей, а такие всегда найдутся в любом коллективе, относился к Надежде¹ Сергеевне как к божеству, не только уважая в ее лице супругу руководителя страны, но и преклоняясь перед ней за ее добродушие, абсолютное² отсутствие какого-либо зазнайства, чуткое товарищеское отношение ко всем сотрудникам. Ее поразительно красивая внешность, большие красивые глаза, пышные волосы «блонд», исключительно правильные черты лица и красивая фигура делали ее предметом восхищения и обожания со стороны мужской части нашего комсостава. В совокупности ее внешность можно охарактеризовать как русская красавица в самом лучшем смысле этого определения. Некоторые говорили: чувствуется аллилуевская породистость!

Один только Сталин, по-видимому, не был очарован ею. Но нашлись злопыхатели и какие-то весьма темные личности, которые очевидно кем-то были подсланы, так как иначе я по своему служебному положению должен был бы их знать, которые стали нагло и нахально ухаживать за нею, но она не давала никому такого повода и, по-видимому, не заметила этих назойливых ухаживаний, которые происходили³ на глазах у широкой публики, и скоро после этих провокаций стало известно, что Надежда⁴ Сергеевна умерла от отравления в столовой. В действительности Надежда застрелилась в 1932 г. Прошел слух, что И.В. Сталин застрелил жену в порыве гнева. Версия об отравлении в столовой нигде больше не встречается.

В тот же день⁵, как об этом стало известно, покончил жизнь самоубийством ее родной брат Павел Сергеевич Аллилуев – уполномоченный ЦК партии и заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА⁶. Позднее стало известно, что П.С. Аллилуев имел крупный разговор со Сталиным, когда оказался свидетелем сцены ревности⁷ Сталина⁸ к своей жене, обвинений ее в измене и легкомысленном поведении. Загадочная смерть Надежды⁹ Сергеевны и самоубийство ее брата вызвали кривотолки по всей Москве и там, где работала жена Сталина, то есть в редакции газеты «Правда». А потом вскоре поползли слухи о том, что Сталин застрелил свою жену. По моим наблюдениям одна сцена ревности не могла вызвать столь большой взрыв злобы. Если учесть, что еще до этой провокации, вызвавшей сцену ревности, был весьма длительный период жестокого отношения, в течение которого были вспышки злобы, вызванные тем, что добрая душа Надежды¹⁰ не могла мириться со зверскими расправами и расстрелами таких большевиков, как Рыков¹¹, Бухарин¹², Зиновьев¹³, Каменев¹⁴ и хамским отношением Сталина к семье Ленина, с которой

¹ В тексте ошибочно «Алла».

² Слово вписано над строкой.

³ В тексте: назойливо преподносились

⁴ В тексте ошибочно «Алла».

⁵ В действительности это произошло шесть лет спустя.

⁶ Аллилуев Павел Сергеевич (1894–1938) – советский военный деятель, брат Н.С. Аллилуевой. Заместитель начальника Главного автобронетанкового управления РККА по политической части. Умер (или застрелился) в своем кабинете 2 ноября 1938 г.

⁷ Слова «сцены ревности» вписаны над строкой.

⁸ В тексте добавлено «по отношению».

⁹ В тексте ошибочно «Алла».

¹⁰ В тексте ошибочно «Алла».

¹¹ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский политический и государственный деятель, председатель СНК СССР в 1924–1930 гг., член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) в 1922–1930 гг. Осужден по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

¹² Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – советский политический, государственный и партийный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1924–1929 гг., академик АН СССР. Осужден по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

¹³ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – революционер, большевик, советский политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) в 1919–1926 гг. Осужден по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

¹⁴ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) в 1919–1925 гг. Осужден по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

семья Аллилуевых была связана узами дружбы¹. Трагическая гибель Надежды² Аллилуевой была неизбежным³ финалом столкновения добра и зла в семье Сталина. Поэтому я не удивляюсь, если со мной и мне подобными большевиками происходит зверская расправа. Это вполне естественно. Абсолютная власть может испортить даже добрейшего человека и ангела, превратив в сатану, а Сталин еще до обладания абсолютной властью, еще при жизни Ленина обладал злобным и сатанинским характером. Вот об этом-то и предупреждал нас, большевиков, наш учитель, а мы, идиоты, не послушали его. Я, как большевик более старой формации, прошу у тебя, Ванюша, прощение за этот идиотизм и слабоумие. Ты, и за тобою последующие молодые поколения будут расплачиваться за этот роковой идиотизм, когда мы позволили Сталину нас обмануть, и наперекор заветам Ленина выбрали его генеральным секретарем ЦК. Вот эта роковая ошибка и привела нас обоих в эту ужасную тюрьму.

Как ты помнишь, Ванюша, в годы ожесточенной Гражданской войны и белого террора Ленин упразднил тюрьмы, и вместо них были изоляторы с нетюремным режимом, а Сталин вновь восстановил тюрьмы, увеличил их число, битком набил их и установил тюремный режим, превосходящий по жестокости и бесчеловечности царский⁴, и не уступает в этом отношении самым свирепым режимам восточных деспотий.

Созданием же такой тюрьмы, как Сухановка, с абсолютно нечеловеческим режимом и пытками над арестованными, довел свое искусство тюремной тирании и произвола до апогея. Ты сам, Ванюша, видишь, как изуродовали меня сталинские палачи – мне сломали спинной хребет – позвоночник, добиваясь нужных им показаний, и я эти показания им дал. В противном случае они продолжали бы⁵ эту сатанинскую пытку, которую аж⁶ страшно вспомнить. До этой пытки моя спина была такой же прямой, как и твоя, и рост мой был 1 метр 90 сантиметров, недаром я был солдатом Императорского Лейб-гвардии Преображенского полка. Теперь же, в согнутом положении я не выше тебя, а твой рост, наверное, 1 м 70 см. До ареста волосы на голове не имели седины, а теперь ты видишь, что в 50 лет [я] седой, как лунь, как будто мне лет 70. Но раз я подписал показания, которые они требовали, у них есть все основания требовать для меня расстрела, а санкция Сталина на это, то есть расстрел «нашего Мартина Идена», уже давно дана авансом. Но самое печальное, что за моим расстрелом будут сажать в тюрьму всех моих земляков-архангельцев, которых я воспитывал в духе преданности учению Ленина, когда руководил ими, работая в Архангельске. Вот этого у джеклондоновского Мартина Идена не было, и он умирал спокойно, с большим достоинством.

Еще один эпизод из моего следствия я хочу рассказать тебе, Ванюша, он относится и касается очень талантливого и потрясающего журналиста, имя которому *Михаил Кольцов*⁷.

Как заместитель ответственного редактора газеты «Правда» я был хорошо знаком с ним. Он часто бывал за границей, выполняя и рядовую работу заграничного корреспондента, а иногда и важные правительственные поручения. В общем, это была восходящая звезда крупной величины в литературном и журналистском мире. С начала испанских событий он был командирован в республиканскую Испанию, в Мадрид, и оттуда шел непрерывный поток его корреспонденции. Временами он вызывался Сталиным для информации, и непременно бывал у нас в редакции и делился с нами своими впечатлениями. В последний раз, когда он заходил к нам в редакцию, до моего ареста, он был очень напуган и встревожен массовыми арестами и расстрелами. Рассказывал о том, что когда он возвращался в Москву через Францию и Швейцарию, то видные французские коммунисты и прогрессивные писатели, встревоженные массовыми арестами и казнями в Москве, просили объяснений этих непонятных событий. А когда он проезжал Швейцарию,

¹ Слова «с которой семья Аллилуевых была связана узами дружбы» вписаны над строкой.

² В тексте ошибочно «Алла».

³ Слово вписано над строкой.

⁴ В тексте добавлено «тюремный режим».

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Выделено И.А. Махановым. Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940) – советский публицист, журналист, писатель. В 1938 г. был отозван из Испании и арестован. Расстрелян.

то заехал к Ромену Роллану¹ по его просьбе, который также был встревожен и озадачен такими событиями и судьбой, как он говорил, русской революционной интеллигенции. Он опасался повторения общеизвестного процесса самоуничтожения (как это имеет место у инфузорий²) на гильотине революционной интеллигенции Великой Французской революции. Ромен Роллан просил Михаила Кольцова более подробно осветить эти трагические события в Москве на³ обратном пути из Москвы в Мадрид.

На объективное освещение этих событий со стороны буржуазной прессы и некоторых писателей, вернувшихся из Москвы⁴, он положиться не мог, а ему, Михаилу Кольцову, было очень лестно такое доверие великого писателя и друга СССР. Правда, Ромен Роллан еще добавил, что освещение московских событий таким прогрессивным американским писателем, как Джон Стейнбек⁵, которому он верит, особенно встревожило его, и он собирался уже написать личное письмо Сталину об этом, но решил подождать освещение событий его молодым другом Михаилом Кольцовым. Потом меня арестовали⁶.

В Сухановке на следствии вдруг его вызвали во внутреннюю тюрьму, где, оказывается, находился под следствием Михаил Кольцов, и меня допрашивали о нем и пытались его пристегнуть ко мне как к главарю антисоветской организации в газете «Правда», но из этого ничего не вышло⁷. Но из этих допросов и некоторых очных ставок мне удалось выяснить дальнейший ход событий и свидания Ромен Роллана с Михаилом Кольцовым. Оказывается, действительно, на обратном пути из Москвы в Мадрид Кольцов заехал к Ромену Роллану в Швейцарию и подробно осветил ему характер событий и лиц, которые арестовываются и, как правило, казнятся. После отъезда Кольцова в Испанию (это была его последняя поездка) Ромен Роллан обратился к Сталину с письмом, в котором предупреждал его об опасных последствиях массовых убийств и просил Сталина прекратить этот геноцид, сославшись в письме на информацию Кольцова. Понятно, что Кольцов был немедленно вызван из Испании и посажен в тюрьму, а геноцид все прогрессировал и не затихал. Даже такой мировой авторитет и светоч гуманизма, как Ромен Роллан, не мог повлиять на талантливого ученика Макиавелли, превзошедшего своего учителя.

До того, как меня перевели в одиночную камеру в бывший монашеский⁸ дом⁹ в камеру, где находился «наш Мартин Иден», имели место два события. Первое событие: надзиратели поставили третью кровать в камере, но для кого? Через полчаса в камеру вошел человек с мертвенно-бледным лицом, в страшном испуге, так, как будто он входил в камеру, где находились тигры лютые, готовые его проглотить. Через минуту убедившись, что перед ним не тигры, а люди, он успокоился. Отдышавшись от испуга, вызванного тем, что следователи стращали его Сухановкой и говорили ему, что в камерах там арестованные сходят с ума, он отрекомендовался:

– Троцкист Аврутин¹⁰.

Он рассказал кратко свою историю. Он учился в МВТУ¹¹ и участвовал в троцкистской оппозиции под руководством сына Троцкого, тоже студента МВТУ Седова¹². За участие

¹ Ромен Роллан (1866–1944) – французский писатель, общественный деятель, ученый-музыковед.

² Инфузории – группа наиболее высокоорганизованных гетеротрофных простейших.

³ Слово вписано над строкой поверху зачеркнутого слова.

⁴ Слова «вернувшихся из Москвы» вписаны над строкой.

⁵ Стейнбек Джон Эрнст (1902–1968) – американский прозаик.

⁶ Далее в тексте «И вот находясь...»

⁷ Кольцов был арестован.

⁸ Зачеркнуто «монастырский».

⁹ Слово вписано над строкой.

¹⁰ Аврутин Марк Соломонович (1896–1941) – старший диспетчер ОКСа Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Исключен из ВКП(б) в 1928 г. как троцкист. Арестован 2 марта 1940 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹¹ Московское высшее техническое училище (в настоящее время – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана).

¹² Седов Лев Львович (1906–1938) – старший сын Л. Троцкого от гражданского брака с Н. Седовой. Принимал активное участие в троцкистском движении. С 1929 г., сначала в Берлине, а затем в Париже выпускал «Бюллетень оппозиции». Умер после операции в клинике в Париже.

в оппозиции он был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, отбыл этот срок и жил на периферии на правах ссыльного. Изредка его вызывали в Москву в качестве свидетеля по делам других троцкистов и отпускали на место работы в провинцию. На этот раз его арестовали в ссылке, привезли в Москву, в так называемом «международном вагоне» (арестантском) и посадили в Бутырскую тюрьму. Долго не вызывали и, наконец, вызвали к следователю, который объявил, что его отвезут в особую тюрьму, где сидят особо важные преступники, которых он должен изобличить как скрытых троцкистов. Если же он этого не сделает, то сам будет там сидеть. Боговой тогда успокоил его и говорит, что ему нечего бояться, так как от Аврутина им не нужно никаких показаний на себя. Его, Аврутина, могут в любую минуту осудить еще раз за участие в троцкистской оппозиции, которого он не отрицает. От тебя будут, по-видимому, требовать на очных ставках изобличать сидящих здесь лиц как участников троцкистской оппозиции в МВТУ. На этом и закончилось мое пребывание в камере с Иваном Васильевичем Боговым, так как меня вызвали на допрос, и после страшного истязания меня в одной из «пытошных» комнат в церкви, я больше в ту камеру¹ уже не вернулся. Мы расстались с Боговым, как родной отец с сыном, плакали и рыдали безутешно.

Допрашивал меня майор госбезопасности (с одним ромбом), фамилии не запомнил, в присутствии Родоса, очевидно, это был один из больших контрразведчиков. Он требовал от меня признания, что я был участником военного заговора Тухачевского и предупреждал, что в случае отказа будешь подвергнут «усиленному» допросу. Я отказался дать такие показания. Он примерно на протяжении целого часа уговаривал меня не губить себя и свою семью, то ласково, то грубо, и, наконец, дал указание:

– Увести его на «усиленный допрос»!

Кабинет этого следователя, как и «пытошная» комната, находились на первом этаже церкви. В кабинет вошли два надзирателя. Майор госбезопасности скомандовал:

– Одеть ему наручники!

Впервые мне надели советские наручники, болезненное действие которых на руки я оценил по достоинству. Они тем сильнее и болезненнее впивались в тело, чем больше сопротивляешься им. Ничего не скажешь, весьма совершенный механизм придумали на свою беду.

Привели меня в комнату, где по моим предположениям был алтарь Господень. Там меня раздели догола, невзирая на очень низкую температуру. Меня трясло и лихорадило и от холода и, по-видимому, от ожидания истязаний. Потом вошли в комнату Мешик, который уже носил два ромба, майор госбезопасности, допрашивавший меня, и Родос, и за ними вошли четыре палача² в белых халатах с капюшонами вроде тех, которые носят ку-клукс-клановцы³ в США. Лица их были закрыты капюшонами. Мешик, подойдя ко мне и увидев, что я трясусь от холода, сказал:

– Сию минуту тебя согреем!

И ударил меня наотмашь резиновой дубинкой по лицу так, что у меня посыпались искры из глаз. Это был, очевидно, сигнал к истязанию, и меня стали молотить почем попало четыре палача какими-то резиновыми шлангами так, что я, как мячик, летал по очереди то к одному, то к другому. Я еще был в сознании, но чувствовал, что долго не выдержу. Ноги подкосились, и я упал на железный пол церкви. Меня продолжали молотить эти четыре чудовища, пока я не впал в бессознательное состояние и больше не приходил в себя.

Очнулся я в одиночной камере. Здесь⁴ я впервые почувствовал, что тело мое горит и как будто поджаривается на раскаленной плите. Около меня был тюремный врач и медсестра. Я не подал вида, что пришел в себя, и слушал их разговор до тех пор, пока не впал опять в бессознательное состояние⁵. Врач говорил медсестре, чтобы она не отходила

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над зачеркнутым словом.

³ Ку-Клус-Клан – ультраправая организация в США, террористическими методами отстаивавшая такие экстремистские идеи, как превосходство белых, белый национализм. В середине XX в. выступала также против коммунизма.

⁴ В тексте «и».

⁵ В тексте «бессознание».

от арестованного ни на минуту, так как состояние его внушает ему опасение, что сердце не выдержит такого почти 100 % поражения наружного покрова. Они явно переборщили в избиении, а теперь требуют, чтобы мы как можно скорее привели его в чувство. Следите за пульсом, и в случае ослабления делайте уколы с камфарой. Я пойду и доложу начальству о состоянии арестованного, и никаких гарантий им не дам о приведении его в чувство раньше, чем за неделю. Больше я ничего не слышал и впал в бессознательное состояние. Временами я приходил в себя и как-то открыл глаза, чтобы увидеть медсестру, но я ничего не увидел – мои глаза погрузились в полный мрак. Медсестра прикасалась к моим глазам своими пальцами и спрашивала, вижу ли что-нибудь. Я только покачал головой и впал опять в бессознательное состояние.

Благодарности

Выражаем благодарность Станиславу Ивановичу Маханову – сыну Ивана Абрамовича Маханова за то, что, несмотря на непростые отношения с отцом, он сохранил рукопись его воспоминаний и разрешил нам сделать их достоянием читателей.

Литература

- [Алексей Федорович Гладун](http://ru.rodovid.org/wk/Запись:793171) – Алексей Федорович Гладун. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:793171> (дата обращения: 10.10.2017).
- [Бешанов, 2013](#) – *Бешанов В.* «По своим артиллерия бьет...». Слепые боги войны. М.: Яуза-Пресс, 2013. 448 с.
- [Головкова, 2009](#) – *Головкова Л.А.* Сухановская тюрьма: спецобъект № 110. М.: Возвращение, 2009. 164 с.
- [Красильников, 2017](#) – *Красильников О.Ю.* Иван Маханов, Кировский завод... URL: http://samlib.ru/k/krasilnikov_o_j/mahanov.shtml (дата обращения: 12.09.2017)
- [Ленин, 1970](#) – *Ленин В.И.* Письмо к съезду. 23–26 декабря 1922 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 343–346.
- [Майский, 1980](#) – *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. Ташкент: Узбекистан, 1980. 672 с.
- [Лубянка, 1997](#) – *Лубянка, ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1960.* Справочник. М.: МФД, 1997. 352 с.
- [Рубцов, 2007](#) – *Рубцов Ю.* Мехлис – тень вождя. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.

References

- [Aleksey Fedorovich Gladun](http://ru.rodovid.org/wk/Zapis':793171) – Aleksey Fedorovich Gladun. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Zapis':793171> (accessed on: October, 10, 2017) [in Russian].
- [Beshanov, 2013](#) – *Beshanov V.* «Po svoim artilleriya b'et...». Slepые bogи voyny [“In its artillery beats...”. Blind gods of war]. Moscow: Yauza-Press, 2013. 448 p.
- [Golovkova, 2009](#) – *Golovkova L.A.* Sukhanovskaya tyur'ma: spetsob"ekt № 110 [Sukhanovo prison: special facility number 110.]. Moscow: Vozvrashchenie, 2009. 164 p.
- [Krasil'nikov, 2017](#) – *Krasil'nikov O.Yu.* Ivan Makhanov, Kirovskiy zavod [Ivan Makhanov, the Kirov factory...]. URL: http://samlib.ru/k/krasilnikov_o_j/mahanov.shtml (accessed on: October, 10, 2017).
- [Lenin, 1970](#) – *Lenin V.I.* Pis'mo k s'ezdu. 23–26 dekabrya 1922 g. [A letter to the congress. December 23–26, 1922] // The Complete Works. 5 th ed. Vol. 45. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1970. P. 343–346].
- [Majskij, 1980](#) – *Majskij I.M.* Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1925–1945 [Memoirs of a Soviet diplomat. 1925–1945]. Tashkent: Uzbekistan, 1980. 672 p.
- [Lubjanka, 1997](#) – *Lubjanka, VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB 1917–1960.* Spravochnik [Lubyanka, VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB 1917–1960. Directory]. Tashkent: Uzbekistan, 1980. 352 p.
- [Rubcov, 2007](#) – *Rubcov Ju.* Mehliis – ten' vozhdja [Mehliis – the shadow of the leader]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2007. 512 p.

УДК 94(47).084.8

В Сухановской тюрьме. Из воспоминаний И.А. Маханова

Подготовка к публикации и вступительная статья
Игорь Олегович Тюменцев ^{a, *}

^a Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация

Комментарии
Александр Дмитриевич Вяткин ^b

^b Свободный исследователь

Аннотация. В статье впервые опубликован фрагмент тюремных воспоминаний главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода И.А. Маханова. Мемуарист до последнего времени считался погибшим в сталинских застенках, но, как оказалось, он не только выжил, но и подробно описал свою тюремную одиссею. Убежденный большевик-ленинец из поколения «детей революции», он смог получить хорошее образование, занял одну из ключевых должностей в ВПК СССР, был вхож в высшие эшелоны власти Советской России. Благодаря доступу к информации, в том числе и секретной, он судил о событиях происходящих в стране не понаслышке. Публикуемый фрагмент дает представление о характере его воспоминаний и описывает пребывание И.А. Маханова в Сухановской тюрьме, о которой до сегодняшнего дня почти ничего не известно.

Ключевые слова: сталинизм, военно-промышленный комплекс, характер репрессий, дело М. Тухачевского, порядки в Сухановской тюрьме, встречи с репрессированными.

(Окончание в следующем номере)

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tjumencev@mail.ru (И.О. Тюменцев)